

Г. И. ВОРОНОВ

От «оттепели» до застоя

Из беседы персонального пенсионера, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС с корреспондентом «Известий» Р. Лыневым.

Дача Совмина в Петрово-Дальнем. Собеседнику около 80 лет. Он много читает, внимательно следит за событиями, заинтересованно их обсуждает. Но наш разговор с Г. И. Вороновым о минувших днях. И ведем мы его с двух точек зрения: моей, рядового гражданина, — как мне все представлялось и виделось «снизу», и его, одной из ключевых фигур в руководстве партии и страны в те годы, — как он оценивал события тогда? Как оценивает их сейчас?

Начать разговор мне хотелось прямо с октябрьского Пленума ЦК партии в 1964 г., когда Н. С. Хрущев был освобожден от всех занимаемых им должностей. Но собеседник предпочел начать с общей оценки десятилетней «оттепели».

— То десятилетие, я убежден, еще ждет объективных исследований, анализа, в результате которых, во-первых, надо выделить главное в тот период. Главным я считаю разоблачение культа личности, его преступлений, освобождение миллионов людей, утверждение в стране новой атмосферы — более свободной, демократической; победу над мощной просталинской группой Молотова, Маленкова, Кагановича. Во-вторых, надо четко отделить достижения этого периода от ошибок, перегибов. Надо, например, ясно сказать, что если кто и хотел насадить кукурузу вплоть до Белого моря, так это бездумные исполнители либо карьеристы. Серьезные же люди как начали ее культивировать, скажем, в Красноярском крае, так и сейчас от нее не откажутся, поскольку она составляет основу кормовой базы. Или возьмите «хрущобы», тоже давшие немало поводов для анекдотов. Смеяться, право, не грешно, но правда в том, что благодаря именно панельным пятиэтажкам удалось впервые по-настоящему широко приступить к решению

жилищной проблемы: выселить миллионы людей из подвалов, коммуналок, бараков. Можно критиковать с сегодняшних позиций идею совнархозов, но не надо забывать, что тогда именно совнархозы помогли ограничить всевластие министерств и ведомств, разбудить хозяйственную инициативу на местах.

— В-третьих, — продолжает собеседник, — надо разобраться в причинах ошибок, отделив субъективные, в которых виноват лично Хрущев, от объективных. И тут надо признать, что при всем природном уме и энергии Хрущеву не доставало подлинной культуры, широты кругозора, необходимых, чтобы быть лидером такого государства, как наше. Понимая это, Хрущев как раз и старался шире опереться на окружение, но кому и в чем стоит доверять, а кому нет, разбирался не всегда. Именно здесь надо искать, по-моему, причину его покоробивших многих оценок и установок, например, в области литературы и искусства. Не говоря уже о сельском хозяйстве. Вообще я бы выделил три парадокса, которыми отмечен тот период. Первый: люди, подводившие Хрущева к самым непопулярным решениям, голосовавшие за них, в итоге оставались в тени, в то время как общественная антипатия досталась в полной мере Хрущеву-лидеру. Второй парадокс в том, что, утверждая новаторский дух, Хрущев все чаще опирался не на тех, кто с ним спорил, а на тех, кто ему поддакивал. Третий же парадокс — именно они, эти люди, впоследствии наиболее беспощадно обвинили его в ошибках, волюнтаризме.

— *Вы имеете в виду оценки, данные на октябрьском Пленуме 1964 г.?*

— И их, и последующее преувеличение ошибок Хрущева, и вместе с тем перечеркивание, отрицание того главного, позитивного, что он сделал. Сегодня пора восстановить правду.

— *Восстановить. Но не значит ли это, во-первых, для вас лично внести коррективы в собственные прежние оценки? А во-вторых, раз правду приходится восстанавливать, не значит ли это, что тогда, в шестьдесят четвертом, с нею обстояло уже не так, как на XX съезде, где доклад Н. С. Хрущева прозвучал как очистительная гроза. А вот в его докладе на сессии Верховного Совета СССР летом 1964 г., за несколько месяцев до снятия, говорилось такое: за две последние пятилетки производство зерна возросло на 77 процентов, мяса — более чем в два раза, молока — на 76 процентов, масла — на 82 процента.*

Не знаю, как упоминание этих цифр воспринималось ближайшими соратниками Н. С. Хрущева, а у многих рядовых людей они вызывали раздражение: лишь минувшей осенью людям в ряде

городов пришлось впервые за многие годы вспомнить, что такое талоны на хлеб, и встать за ним в длинные очереди. Тогда же впервые закупили зерно за рубежом.

Мясо с молоком? Но ведь цены на них были чуть раньше значительно повышены. И вместе с тем в городе и на селе было запрещено держать домашний скот. Кто же в народе не видел этой правды? И кто поддерживал подобный ход дел? Что ни говорите, а это снизило авторитет Н. С. Хрущева, так что его смещение было воспринято многими рядовыми людьми как финал вполне закономерный.

— Сказанное вами — тоже не вся правда, — горячо возражает Г. Воронов. — Трудности с хлебом, возникшие осенью 1963 г., носили временный, разовый характер. Они были вызваны неурожаем. И закупка зерна носила разовый характер — мы купили 12 миллионов тонн. По сравнению с закупками, ставшими вскоре хроническим явлением, это мало.

Что касается повышения цен на молоко и мясо, то и оно вводилось временно и с условием, что средства, поступившие в бюджет, будут направлены на подъем животноводства. Убежден — это дало бы результат. Но беда в том, что громадные средства — это уже после Хрущева — пошли на иные цели, где были загублены.

В сведении скота из личных хозяйств сказала не столько уверенность в быстром подъеме общественного животноводства, сколько желание руководителей на местах отличиться в глазах руководства. Но я повторю: даже явные ошибки Н. С. Хрущева весят гораздо меньше того главного, что он сделал.

— Мне по-прежнему трудно отделаться от вопроса: что руководству ТОГДА мешало объективно оценить роль Хрущева или, во всяком случае, избежать многих несуразностей? Официально было сказано, что Хрущев освобожден в связи с ухудшением здоровья и уходом на пенсию, но многие помнят: все последние месяцы, вплоть до смещения, Хрущев был активен, деятелен, много времени проводил в поездках по стране и за рубежом, постоянно выступал.

В апреле, за полгода до снятия, поздравляя Хрущева с 70-летием, его соратники, в том числе и мой собеседник, выражали надежду, что им прожита только половина жизни, и желали «прожить по меньшей мере еще столько же и столь же блистательно и плодотворно». В другом приветственном документе отмечалось, что под руководством Н. С. Хрущева партия обеспечила невиданное усиление экономического, оборонного и идейно-политического могущества нашей Родины и добилась крупных успехов в повышении благосостояния народа. Л. И. Брежнев по этому поводу вручил юбиляру четвертую Золотую Звезду и трижды расцеловал.

Все это происходило в разгар тайно готовящегося, как теперь пишут, заговора против Н. С. Хрущева.

Понимая, что собеседнику досадно вспоминать обо всем этом, я тем не менее снова прошу:

— Расскажите, как было дело. Вы же были в курсе.

— Все это готовилось примерно с год. Нити вели в Завидово, где Брежнев обычно охотился. Сам Брежнев в списке членов ЦК ставил против каждой фамилии «плюсы» (кто готов поддержать его в борьбе против Хрущева) и «минусы». Каждого индивидуально обрабатывали.

— Вас тоже?

— Да. Целую ночь.

Как о ключевой фигуре тех событий сейчас говорят и пишут о Суслове. Он заслуживает, думается, отдельного разговора. Надо понять, почему идеологом партии столько лет был этот человек. Взять его речи на трех партийных съездах: на XIX, где он славословил Сталина, на XXII, где превозносил Хрущева, и на XXVI, когда в зените власти был Брежнев. Главное в позиции Суслова — готовность следовать за тем, кто сильнее в данный момент. Вот и тогда, в 1964 г., готовый текст доклада ему вручили перед Пленумом. Главному идеологу оставалось лишь зачитать его. Что он и сделал. В числе обвинений в адрес Хрущева было и такое: выезжая на места, он все чаще, обходя партийное руководство, обращался по хозяйственным вопросам напрямую к руководителям Советов. Все обвинения легли, что называется, в строку. Сегодня понимаешь: целью смещения Хрущева было не исправление ошибок, не более точное следование курсу XX съезда, а захват власти, чтобы свернуть с этого курса. Что проявилось уже вскоре в небольшой вроде бы детали: у Кремлевской стоны установлен бюст Сталина¹.

Ф. Бурлацкий, желая подчеркнуть внешнюю сдержанность нового правления на первых порах, отмечает, что в докладе Брежнева, посвященном 20-летию Победы в Великой Отечественной войне, имя Сталина было упомянуто всего один раз. Это верно. Но верно и то, что зал встретил это упоминание овацией².

Некоторые авторы сегодня пишут, что «мотором» заговора были Шелепин с Семичастным. Это не так. К Шелепину, не претендовавшему на власть, и к Семичастному тогдашние «старшие товарищи» относились снисходительно, как к вчерашним комсомольцам. Что же касается Хрущева, то он с самого начала Пленума сдался. Сел в стороне от президиума и ни слова не сказал в свою защиту. Поэтому даже его сторонники не попытались его защищать. Лишь А. И. Микоян предложил оставить за Хрущевым хотя бы один пост: главы партии или правительства, но его не поддержали.

— Тогда ведь истина проходила лишь в одном — единогласном варианте. И наоборот — лишь единогласие считалось истиной. Ну а главный урок тех событий — в чем он?

— Мотивы у участников Пленума были разные, а ошибка общая: вместо того чтобы исправить ошибки одной яркой личности, стоявшей во главе партии, мы сделали ставку на другую личность, куда менее яркую. Подобные ошибки неизбежны, когда нет механизма критики руководства, исправления его ошибок, а когда надо, его замены.

Беда в том, что опыт, навыки демократии тогда еще были очень слабы. Пытаясь преодолеть груз прошлого, Хрущев и мы, люди его окружения, были в значительной мере продуктом этого прошлого и не позаботились, чтобы, расширив рамки демократии, включить в процесс преобразований народ.

За этот половинчатый демократизм, не закреплённый к тому же никакими политическими гарантиями, всем нам, в том числе и Хрущеву, пришлось поплатиться. Будем объективны: в первое время многим пришлось по душе сдержанность руководства, пришедшего на смену Хрущеву. Хотелось верить: раз стало меньше слов, значит, последует больше дел. Да и дела шли не так уж плохо: начались эксперименты в экономике, принесла плоды политика разрядки, но в целом-то поезд уже тормозил...

Беседа завершилась. Подумалось: как читатель воспримет откровения бывшего члена руководства? Откровения — вполне понятно — не беспристрастные. Кто-то, возможно, найдет в них ответы на свои вопросы и удовлетворится. Кто-то, напротив, будет разочарован и рассудит, что Кунаев, Романов или Гришин, дай им слово, тоже постарались бы, осторожно признав ошибки прошлого, обвинить в этих ошибках других.

Но вот вопрос: почему подобные, через годы вскрываемые ошибки повторяются снова? Не потому ли, что их вскрытие не касается главного — командно-административной системы, позволяющей править народом и принимать важные решения от его имени, без его, народа, участия, не считаясь с ним, с его интересами.

Сегодня, приступая к переустройству политической системы, мы должны понять — это единственный способ избежать тех бесчисленных ошибок, которые нас десятилетиями преследуют. При этом стоит учесть наш общий опыт как достижений, так и утрат, потерь на пути к реальной демократии.

